

*С годами чаще вспоминаем детства даты.
Деревню. Дом. Картошечку в погполье...
В войну все жили трудно. Небогато.
Но в целом были все довольны.*

*Не ведали, что значит менингит.
Не ныли: «Ах, как мышцы ноют!»
И даже тот, кто был судьбою бит,
Ценил тот быт, не злобствуя душою.*

*Нельзя забыть класс первый в школе,
Простых людей, затурканный колхоз,
Ровесников сопливых, полуголых,
В конюшнях чистивших навоз.*

*Родную улицу с тележною дорогой,
Большие лужи в тёплый летний дождь.
То, как судили предки наши строго,
Когда не слушала советы молодёжь.*

*Безграмотность и жизненную пошлость
Нельзя забыть. И как сейчас принять
Ту, детских лет, наивную готовность,
Что нас учила верить, жить и жгать.*

*Жгать, что придёт в забытую деревню
Счастливый день без ветра и дождя,
Когда земляк, любя родную землю,
Увидит в детях грешного себя.*

*Вздохнув печалью, прошлое вернётся.
Года, как тень, притулясь в стороне,
Вдруг заскрипят, как ворот у колодца,
Пугая дни, что дороги так мне.*

*Они встают, мелькают и ложатся,
Как ванька-встанька, стоит их качнуть.
Как будто бы пришли прощаться,
Напоминая детства светлый путь.*

*В те годы помнили о чести и о святцах.
Важны дела... Но разве всех поймёшь?
Как изложить вернувшееся вкратце,
Когда за ним по памяти идёшь?*

*Туман ночи укроет лес, деревню.
Ни огонька — одна сплошная мгла.
Всё то, что было, суете не внемля,
По ней тропинкой чистой пролегла.*

*Пришла война. Крик. Плач. И слёзы,
Пока ещё в предчувствии беды.
Потом дожди... Крещенские морозы.
Метелью занесённые следы.*

*И стон людской... Не понарошку.
Жизнь-колесо, врезаясь в колею,
Тащила всех, как ни было бы тошно,
В закономерность грешную свою.*

Как знать, кому, зачем и сколько
Насыпал Бог в Судьбу проблем?
Одни несли их гордо, стойко,
Другие сами лезли бойко
В круг перепутанных дилемм.

Одни осознанно и честно,
Не разделяя с Родиной себя,
Встав вместе с ней у скал отвесных,
Сбивали пламя вражьего огня.

Другие, спрятав сущность мыслей,
Закон Судьбы стараясь обхитрить,
На теле Родины клопами висли,
Собою олицетворяя сныть.

Суровые, как холод, времена.
Россия замерла в смятении и страхе.
Набатом бьют слова: «Война!»
А та, в своём безжалостном замахе,
Велит, чтобы великая страна
Была разложена на эшафотной плахе.

Народ пошёл не ради славы
По фронтовой нехоженной меже,
Где тот, кто прав, мог быть неправым,
А кто неправ, был им давно уже.

Год сорок первый... Сорок пятый...
Несли стране мозоли, слёзы, кровь.
Бои и смерть судьбой стали солдату,
Безмерный труд — судьбой у вдов.

Легли по-разному разбитые дороги
По тем безжалостным, как тать, годам.
Был до того колхозный быт убогий,
А в дни войны — как цепь жестоких грам.

Ведь по суровому от предков праву,
Когда беда зло кружит карусель,
Крестьянок плечи — суть державы,
А руки их — России колыбель.

И круговерть с рассвета до заката:
Скот, огород, детишки и колхоз...
Мотыга, серп, коса, топор, лопата,
Пила двуручная зимой в мороз.

Без отдыха, без отпусков годами.
Терпение — талон в нерадостную жизнь.
С надеждою, раскрученной словами,
Мечтая, верили в какой-то коммунизм.

Над полем слышен плач ребёнка.
Под крик его серпами жалась рожь.
А груднички, крутясь на подстилёнках,
Крепили голос, накликаая дождь.

Скопнив снопы в осеннюю погоду,
Домой спешили бабы жизни для,
Чтоб выкопать картошку в огороде,
Чтоб накормить голодное дитя.

Жила в душе одна надежда свято:
Война закончится, вернётся муж...
Окрепнет дом. Детишки, как ягнята,
После дождя запрыгают средь луж.

Ах, бабы русские! Доверчивые люди.
Надев ярмо, тянули трудный быта воз,
Чтоб их мужья под жуткий гул орудий
На доты шли с надеждой на авось.

Что есть солдат без обуви и хлеба?
Он так, ничто, без пищи и любви!
Каким бы сильным телом ни был,
Боец слаб духом без семьи.

*Село родное, отчий дом и дети
Живут цветком в душе с ним на войне.
Любовь и в ночь дороги путь осветит.
Когда семья — тот путь светлей вдвойне.*

*Как важно то, что где-то тебя ждут,
Что ты другой жизни частица,
Что дни разлук и смут пройдут,
Солдат с семьёй своей соединится.*

*Вдали от Родины душа тоскует.
Надежда в горе вынуждает встать...*

*Что было — Память с грустью нарисует:
Друзей, село и ласковую мать.*

*Война! Короткое, но злое слово,
Как на него, по сути, ни взгляни.
Приносит боль, людей лишает крова,
Лишает радости, надежды и любви.*

*Кружила снежная февральская позёмка.
Письмо в конверте... Вечер за окном...
Вдруг крик истошный, жуткий, громкий
Потряс село, как страшный гром.*

*Стонала мать над похоронкой,
В слезах с колен пытаюсь встать:
— Как дальше жить?!*
*Отчаянье, как лёд на речке тонкий,
Лет безутешных скорбная печать.*

*Морозный день лёг в память свято.
Погиб отец... Теперь вот брат...
Соседки в хате жались виновато,
Жалея мать и сгинувших солдат.*

*— В раю, знать, встретятся мужчины,
Коль оба мечены за Родину свинцом:*

Твой муж — с любимым своим сыном,
А старший сын — с родным отцом.
Война жестока. Пуля — гура.
Никто не ведает: кого, когда, и как?..

Пог печкой громко шебаршились куры,
В дом заползал голодный мрак.

— Проплачь беду, — твердила баба Лена, —
Чтоб легче стало... Знаю по себе...

А мать, рукой держась за стену,
Очередной не верила беде.

— Не может быть!
Ведь есть же Бог на свете!
Так почему мне это всё одной?
Судьба моя — безжалостные плети.
Отдушины для счастья никакой!
Отец погиб как «враг народа».
Пог Рудней — муж. И сын в конце войны.
Как дальше жить? Какого ждать исхода?
Какой ещё, Бог, требуешь цены?

Коптя, горела толстая лучина.
Метель игралась снегом во дворе.
— Ради детей крепись, Христина.
Жить как-то надо гетворе...

Те вместе с ней рыдали от испуга.
Их четверо. Во всём теперь одна.
— Как устоять?!..
Холодной вьюгой
Прошлась по женщинам жестокая война.

И одиночество... Пытливые детишки.
Чем накормить? Как лучше воспитать?
Во что одеть? На что купить им книжки,
Чтоб вышли в люди, помня добром мать?

*Стучат сердца. В такт им за печкой
Сверчок назойливо твердит о том,
Что боль, оставшись в сердце вечно,
Детей не сделает счастливее потом.*

*День пролетит. Мать, сторбив плечи,
Устав, под вечер сядет за столом.
— О Господи! Кормить скотину нечем,
И нищета хозяйствует кругом.*

*Тень от огня зажжённой свечки
Садится рядом с ней молчком.*

*Одной с детьми, в бесправии и горе,
Жить нелегко. Но надо, надо жить —
Среди рванья, разрушенных подворий,
Чтобы себя в грядущем не казнить.*

*День будет новый. Бюджет и работа.
С ней утро вечера, конечно, мудреней.
Дом. Огород на тридцать соток.
И нормативных триста трудовней.*

*Попробуй их не выполни как надо!
Урежут огород. Тогда семье — хана!
Не важно, что глядишь на лаган,
Здоровы ль дети иль сама больна.*

*Кто жжёт костёр, от дыма плачет,
Когда не может пламя укротить.
Кто хочет жить — усталость прячет,
Стараясь силой воли путь торить.*

*— Даст Бог, мы всё же переможем!
Где перетерпим, где-то проползём...
Труд каждый день, до грожи кожи,
Помог ей сохранить семейный дом.*

*— Нам надо жить. И по-другому
Никак нельзя. Быть иль не быть?! —*

*Вселял надежду в сердце гомон
Детей, стремящихся ей чем-то поспособить.*

*С тяжёлой голей, с непосильной ношей,
Вместе с товарками, такими, как она,
Растила хлеб, чтоб стала жизнь хорошей,
Чтоб кончилась проклятая война.*

*Водила санные в мороз обозы,
Сгавая выращенный хлеб стране...
Зерно в мешках — то бабьи пот и слёзы,
Ими пролитые за годы по стерне.*

*А по весне, когда над чистым лугом
Вверху висел вечерний неба свод,
Бабы, забыв о собственных недугах,
Как лошади, впрягаясь в вожжи цугом,
Пахали с муками груг гружке огород.*

*Усталые, в мозолях вечных руки
Не знали отдыха ни летом, ни зимой.
Опора Родины, изведав боль разлуки,
Наперекор сегодняшней науке
Довольствовалась данной ей судьбой.*

*Наверно, в этом кроется причина,
Что через этот тяжкий женский труд
Смогли дойти солдаты до Берлина,
Верша над татем Божий суд.*

